

АЛИСА ЛИМАН

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man has a beard and is wearing a leather jacket. The woman has long dark hair and is wearing a black top. The background is blurred with bokeh lights.

Еще
БЫВШАЯ
СЛАБОСТЬ

Алиса Лиман

Его бывшая слабость

<https://litres.ru/74346263>

Аннотация

НОВИНКА АВТОРА♥# "Ты (не) вернешь нас, офицер"

— Какая же ты дрянь! Нарочно залетела от меня, чтобы избежать расплаты? — Он так лязгает зубами, что у меня в ушах начинает звенеть от страха. — Даже не надейся. Для тебя это лишь временное спасение. Голова кружится. Хватаю ртом воздух. Что с ним? — Родишь моего ребенка. Тогда и разберемся! О нет...

"Ты моя слабость": "Его маленькая слабость":

Содержание

Глава 1. АНЯ: Не может быть...	4
Глава 2. АНЯ: Три заветных слова	9
Глава 3. АНЯ: Дура	14
Глава 4. АНЯ: Решительная... дура	20
Глава 5. ГЛЕБ: Больше не поведусь	25
Глава 6. ГЛЕБ: Инстинкты	30
Глава 7. ГЛЕБ: Манипуляторша	35
Глава 8. АНЯ: Удобная позиция	40
Глава 9. ГЛЕБ: Опять эти чертовы пуговицы	46
Глава 10. АНЯ: Подарок	51
Глава 11. ГЛЕБ: Зерно сомнения	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1. АНЯ: Не может быть...

Жара какая. Только утро, а от асфальта уже поднимается невыносимый зной.

— Девочка, а ты куда автобус ждешь? — Какая-то бабуля берет меня за локоть, вынуждая повернуться.

— До Воронежа, — отвечаю коротко, стирая тыльной стороной ладони пот с шеи.

— Ой, такая молодая и уже беременная, — удивляется бабушка, оглядывая меня придиричивым взглядом.

Разглядела же. А вроде животик еще совсем небольшой. Да и майка довольно просторная.

Бабуля цокает языком, качая головой, когда я никак не реагирую на ее замечание. Не до того мне. Так паршиво на душе. Не просто говорить не хочется. Мне бы сейчас спрятаться от всех и выть в голос.

Его нет... Его больше нет. А я жду от него ребенка. Даже боюсь представить, как он отреагировал бы, если бы узнал...

Как бы невзначай отхожу от любопытной бабули к газетному киоску, не желая, чтобы она увидела в моих глазах слезы. Прямо передо мной останавливается машина, преграждая путь. Огибаю препятствие, желая поскорее добраться до глянцевых обложек, чтобы отвлечься от мыслей. Но куда там...

Дыхание замирает, когда на нижней полке витрины я ви-

жу его...

«Сердце Золотова остановилось. Взрыв в ночном клубе «Голд», — ярко-красным шрифтом кричит какая-то желтая газетенка.

Да сколько же можно! Сдавленно скулю, поднимая глаза к небу. Как же душно. Наверно, дождь собирается. Надеюсь.

По вискам стекают слезы. До боли прикусываю губы, чтобы прийти в себя. Уже два месяца прошло, а газетчики никак не уgomонятся. Почему не оставят его в покое!

Оттягиваю ткань трикотажной майки и дую за ворот, внешне замечая в отражении витрины киоска огромную тень позади себя. Сердце екает и уходит в пятки.

Глеб?!

Резко поворачиваюсь и тут же замираю. Какой-то незнакомый мне амбал. Такой же огромный, как и мой Глеб. Но не он.

— Анна Васильевна, — обращается ко мне незнакомец, окидывая недобрым взглядом, — пройдемте.

Я и среагировать не успеваю, когда бугай бесцеремонно подхватывает меня под локоть и тащит к той самой машине, что преградила мне путь.

— Куда это? — спрашиваю я, пытаюсь высвободить руку из цепкого захвата. — Вы кто вообще? Отпустите!

— Будет проще, если вы не станете сопротивляться... — начинает амбал, но осекается, когда ему по затылку прилетает облезшим зонтиком.

— А ну-ка отпусти девочку! Бессовестный! — кричит моя неожиданная спасительница, та самая любопытная бабуля, от которой еще пару минут назад мне хотелось сбежать. — Я сейчас полицию вызову!

Боковым зрением вижу, как открывается водительская дверь страшного внедорожника, и понимаю, что нам с бабулей не справиться с еще одним бугаем. В панике оглядываюсь в поисках спасения, но все люди на станции словно неожиданно вспомнили о каких-то неотложных делах и бросились врассыпную от образовавшейся потасовки, словно им уже вовсе и не надо на междугородний автобус.

— Анна Васильевна, — слышу вдруг знакомый голос и удивленно поворачиваюсь ко второму бугаю, — узнаете меня?

Не сказать, что точно узнаю. Но голос знакомый. От него веет болезненными воспоминаниями.

— Витя? — выдавливаю я срывающимся на шепот голосом, переставая вырываться из рук первого амбала.

Водитель Глеба кивает.

— Поедемте с нами, — говорит он.

Ни секунды не сомневаясь, разворачиваюсь и киваю бабуле, мол, все хорошо. Потом сажусь в машину. Только когда выезжаем на шоссе, наконец осознаю, что зря согласилась. Они ведь не отвезут меня к нему. Разве что на кладбище...

Глотаю непрошенные слезы, вперивая взгляд в окно.

Я догадываюсь, зачем Витя приехал. Должно быть, чтобы

я забрала из дома Глеба свои вещи.

Я и сама хотела. А заодно хотела лично убедиться, что все, что пишут в бульварных газетах... правда. Хотела своими глазами увидеть его могилу. Хотела услышать от его близких, что Глеба больше нет.

Но не знала куда идти. Клуб в руинах. Адреса Глеба я никогда и не знала. А все мои вещи, включая паспорт и телефон, скорее всего, остались у Ларисы. Там я могла бы откопать номера коллег, раздобыть адрес и съездить. Но...

Всю дорогу борюсь с подступающей истерикой, поэтому даже не сразу замечаю, что машина останавливается. Размазываю по лицу слезы, когда Витя, обойдя внедорожник, открывает мне дверь. По привычке протягивает руку, чтобы помочь мне выбраться, но тут же одергивает себя и прячет ладонь за спину.

С трудом поднимаюсь на ноги, ставшие отчего-то ватными, и неуверенно топаю вслед за водителем в дом. Должно быть, это тот самый дом. Боюсь даже по сторонам смотреть, дабы не узнать знакомые места, где мы с Глебом...

Остановись, глупая! Доведешь себя до того, что потеряешь ту кроху, что он оставил тебе, как напоминание о себе. Последний подарок. Мало было на сохранении проваляться?

Войдя в двери, Витя не разуваясь проходит прихожую, тогда как я на автопилоте скидываю свои вьетнамки и иду вслед за ним по коридору. Это совершенно точно тот самый дом. Я ощущаю его по запаху. На ощупь знаю, как и его хо-

зяина...

Знала.

— Привел, — прячась от меня в кухне, говорит кому-то Виктор, а я останавливаюсь за стенкой. — Как просили. Но я все еще думаю, что это не самая лучшая идея...

— А я твое мнение спрашивал? — звучит тихий рык, и мне едва удастся устоять на ногах.

Не может быть...

Глава 2. АНЯ: Три заветных слова

Коридор на мгновение приходит в движение, и я упираюсь ладонью в стену, чтобы не упасть. Голова кружится. В ушах звон. Такой, что я почти не слышу продолжения разговора.

— Вы же еще толком не отошли, — продолжает Витя. — Она сейчас точно не лучший гость, Глеб Виталич.

Глеб... Глеб Виталич. Это точно он.

— Не она... — слышу хриплый ответ. — Не она мой гость.

Нахожу силы сделать пару шагов и заглядываю в кухню. Сидит за столом. Спиной ко мне. Устало подпирает голову рукой.

Вмиг преодолеваю разделяющее нас расстояние и мертвой хваткой вцепляюсь в мощную шею, не в силах сдержать рыданий. Всклипывая, покрываю его затылок короткими поцелуями. Слышу, как Глеб мучительно выдыхает. Но не спешит поворачиваться.

Буквально стекаю по широкому плечу. Опустившись перед своим мужчиной на колени, ловлю его ладони и зарываюсь в них лицом.

— Глебушка... — бормочу, целую его пальцы. — Живой.

Глеб почему-то сидит неподвижно. Но меня и это не смущает. Продолжаю прижиматься к его ногам, чувствуя, как от облегчения накатывает слабость. Оседаю на пол, не отрыва-

ясь от любимых рук.

— Эй, ты что, совсем? — слышу обвиняющий голос водителя. — Едва не убила его, а теперь на шею вешаешься?

Убила? Я? Голова едва не разрывается от осознания правды. Это я... Это действительно я виновата!

Отлипаю от рук Глеба и наконец поднимаю на него глаза. Вздрагиваю, столкнувшись с измученным и одновременно гневным взглядом.

— Глеб, — выдыхаю я, невольно отползая от его ног по мраморному полу, — прости...

Морщится болезненно.

— Действительно считаешь, что обычного «прости» достаточно после того, что натворила?! — рывкает Виктор.

— Витя, — наконец подает голос Глеб, прерывая водителя. — Оставь нас.

Виктор явно сомневается, стоит ли исполнять указание. Глядит на меня с нескрываемой неприязнью, будто я могла нарочно причинить вред Глебу. Что еще за бред?!

Он все же поворачивается и выходит из кухни. Слышу, как хлопает входная дверь.

Глеб тяжело отпирается на стол ладонью и неторопливо поднимается со стула. Открываю рот, глядя, как этот сильный мужчина с трудом делает такую простую вещь. Тут же подскакиваю на ноги, желая ему помочь.

Он поднимает руку, останавливая меня. Выпрямляюсь по струнке в ожидании, пока он заговорит. Словно приговора

своего жду.

Глеб поднимает на меня хмурый, полный боли взгляд. Глаза устало скользят по моему телу и концентрируются в районе живота.

— Дочка, значит? — хриплым голосом выдавливает он. А взгляд наконец теплеет.

Так он уже знает? Киваю, неосознанно улыбаясь. А Глеб вдруг шагает ко мне и заключает в объятия. Как же хорошо! Я так боялась, что больше никогда не смогу почувствовать этого.

И снова этот мучительный вздох, путающийся в моих волосах.

Обвиваю его могучий торс в ответ. Утыкаюсь лбом в широкую грудь. Касаюсь губами ткани его футболки. Больше ничего не надо. Достаточно просто стоять вот так. Зная, что он жив.

Сильная рука ложится на мою шею, зарываясь в волосы, вынуждая меня откинуть голову.

Глеб вдруг впивается в мой рот, и я не могу сдержать нетерпеливый стон. Чувствую, как он покачивается. Сильнее вцепляюсь в его тело, помогая устоять на ногах. Он подталкивает меня к кухонному гарнитуру и упирается рукой в верхний ящик рядом с моей головой.

Всего на секунду оторвавшись от моих губ, Глеб пытается перевести дыхание. Трясет головой, не открывая глаз и словно стараясь сбросить наваждение.

Обхватываю его лицо руками, осторожно поглаживая пальцами отросшую бороду. И сама тянусь к губам, оставляя нетерпеливые короткие поцелуи.

Обвив мою талию жесткой рукой, он усаживает меня на разделочный стол, становясь между раздвинутых ног, и снова врывается в мой рот грубым поцелуем. Прямо как наша первая встреча в этом доме...

Пальцы на моей шее вдруг сжимаются до боли. И я вздрагиваю. Такое чувство, что он не собирается останавливаться. Отрываюсь от настойчивых губ, чтобы сказать:

— Глеб, мне... — осекаюсь, заметив ярость в любимых черных глазах.

— Я бы предпочел убить тебя собственными руками... — рычит он в мои приоткрытые от изумления губы. — Но ты и тут мне шансов не оставила.

Что?

— Скажи это, — требует он, но я не понимаю, чего он от меня хочет. — Ну же! Три заветных слова...

— Я люблю тебя, — ни секунды не сомневаясь, отзываюсь я, но вздрагиваю, когда прямо рядом с моей головой в шкафчик впечатывается тяжелая ладонь.

Лицо Глеба искажает гримаса боли и ненависти. Вижу, как дергаются желваки.

— Не смей больше произносить эту наглую ложь, — шипит он, нависая надо мной.

— Глеб...

— Скажи. Скажи, что предала меня! — гремит его голос, отдаваясь грохотом в моей груди. — Я хочу услышать это из твоего лживого рта!

Ничего не понимаю. Я предала? Да, он чуть не погиб, прикрывая меня. Но я ведь...

— Говори! — снова требует он.

— Глеб, я... не понимаю, — рвано вдыхаю, когда большая ладонь ложится на мое горло и угрожающе сжимает его.

— Какая же ты дрянь. Нарочно залетела от меня, чтобы избежать расплаты? — Он так лязгает зубами, что у меня в ушах начинает звенеть от страха. — Даже не надейся. Для тебя это лишь временное спасение.

Голова кружится. Сердце ухает вниз. Что это с ним?

— Родишь моего ребенка. Тогда и разберемся!

В панике хватаю ртом воздух.

Успеваю заметить, что его яростный взгляд вдруг теряет решимость, становясь взволнованным. Глеб подается вперед и ловит меня в объятия, тогда как на мои глаза наползает пелена.

И сознание отключается.

Глава 3.АНЯ: Дура

Лениво открываю глаза.

Белоснежный потолок. Какое-то раздражающее слух пи-ликанье поблизости. Где это я? Окидываю усталым взглядом помещение, пахнущее осточертевшим дезраствором. О нет...

Резко сажусь на кровати, не в силах поверить глазам. Больница? Снова?! Нет. Нет-нет! Быть того не может! Я ведь только что была в руках Глеба! Это же не может быть сном?! Я не выдержу опять этой потери! Он ведь точно только что был рядом! Пусть злится и желает меня убить, только бы живой...

Слышу, как щелкает замок, и в палату врывается шум из коридора. Но из-за ширмы перед кроватью не могу увидеть, кто вошел.

— Тебе бы сейчас своим восстановлением заниматься, а ты опять об этой девице печешься, — ворчит незнакомый голос.

— Это мой ребенок, — отвечает второй голос, и я облегченно откидываюсь обратно на подушку. — Я должен был убедиться, что она в порядке.

Глеб. Значит, не приснился. Слава тебе господи! Живой...

Невольно вспоминаю угрозу, которую он бросил, прежде

чем я отключилась. И вздрагиваю. Он ведь не заберет у меня малышку?

Снова в панике сажусь на кровати. Нет! Он не посмеет. Живой — хорошо. Даже отлично! Но это ведь мой ребенок! Моя дочка!

Кровь в висках начинает стучать с такой силой, что в глазах темнеет. В хаотичных мыслях мелькает осознание, что если Глеб захочет, ему не составит труда отобрать у меня ребенка.

Нет! Ни за что. Только через мой труп.

— Как ты можешь быть так уверен? — спрашивает незнакомый голос, подкидывая мне идею.

Действительно! Как он может быть уверен, что моя малышка от него?

— Она не твоя! — выкрикиваю я, не успев как следует подумать.

В палате повисает пробирающая до дрожи тишина. Успеваю досчитать до десяти в попытке восстановить нервное дыхание. А затем из-за ширмы выплывает разъяренное лицо Глеба.

— Что. Ты. Сказала? — рокошет он.

— Н-не твоя! — уже куда менее уверенно выпаливаю я.

— Что и требовалось доказать. — Из-за ширмы, пожимая плечами, выходит и второй мужчина. — Я ведь говорил.

Вижу, каких усилий Глебу стоит сохранить самообладание. От сдерживаемой ярости у него пульсируют виски. И

даже мочки ушей подрагивают от того, как на лице играют желваки.

Ой-ей... Только сейчас начинаю понимать, какого масштаба катастрофу решила организовать. Если ребенок не его, он ведь меня прямо сейчас линчует.

Глеб выпрямляется, неторопливо подходит к кровати и, развернув стул, седлает его, складывая огромные ручки на спинку.

— А чей же? — с деланой заинтересованностью спрашивает он, однако я вижу, как на его шее подергивается нервная венка.

— К-какая разница? — запинаясь, отвечаю я.

— Позволь, я помогу тебе придумать, — хищно усмехается он. — В наш первый раз. На рояле. Ты была девственницей.

Чувствую, как в лицо бросается жар. Да как он может так просто говорить о столь интимных вещах? Еще и в присутствии посторонних!

Нервно хлопаю глазами, пытаюсь прийти в себя.

— Сразу после этого тебя сбила машина, — продолжает Глеб. — Больница. Кома. Исправь, если я что-то пропустил? Мне нечего сказать. Он все знает.

— После больницы моя сестра притащила тебя в мой дом. Там камеры, — словно отсекая все пути отступления, добавляет он.

Хотя подозреваю, что про камеры Глеб намеренно соврал.

Но вариантов проверить это у меня в любом случае нет.

— Я скажу раз, и не дай бог мне придется повторить это снова: не смей мне больше лгать! Я уже с лихвой нажрался твоего вранья!

— Да я не понимаю, о чем ты! — взрываюсь я, не ожидая от себя такой реакции. Но дальше терпеть уже нет сил. — Что я, по-твоему, такого сделала?!

Роняя стул, Глеб вдруг на удивление резко вскакивает на ноги. Подается ко мне и до боли сжимает мои щеки пальцами.

— Ты. Убила. Меня, — шипит он сквозь сжатые зубы, выделяя каждое ледяное слово.

Яростный взгляд падает на мои разомкнувшиеся губы. Вижу, как кадык дергается под густой бородой, когда Глеб шумно сглатывает.

— Ты злишься, потому что пострадал, прикрывая меня? — все еще непонимающе бормочу я.

Он морщится, наконец заглядывая мне в глаза.

— Ты дура? — бросает он грубо, а его брови болезненно дергаются. — Да я готов снова и снова повторять это, если бы ты того стоила!

— Зачем же прикрыл собой, если не стою? — сдавленным голосом зачем-то спрашиваю я, зная, что это разозлит его еще сильнее.

Так и есть. Его ноздри раздуваются, как у быка перед матадором.

— Тогда я еще не знал, какая ты тва...

Он вдруг осекается, и рука на моем лице слабеет. Опирается на простыню, и я вижу, что у него буквально подкашиваются ноги.

— Глеб?! — Вскакиваю коленями на кровати, когда он начинает оседать на пол. — Помогите!

Подхватываю его под руку, обвиваю за плечи, не позволяя упасть, пытаюсь затянуть на свою койку. А он еще и сопротивляется! Вы только посмотрите на этого барана упертого!

К нам подскакивает незнакомец, который до этого упорно паялился в окно, явно не желая быть свидетелем наших разборок, а потому не сразу понял, что произошло. Помогает мне усадить Глеба на кровать и вынуждает его опуститься на мою подушку.

— Я ведь об этом и говорю! — ругает он Глеба. — Хочешь вообще в кресле оказаться?! Или сразу на том свете?! Я ведь предупреждал, что после комы нельзя так рано из больницы сбегать!

Сказав это, мужчина почему-то окидывает меня гневным взглядом.

— Угомонись, Валер, — обессиленно ворчит Глеб, облизывая пересохшие губы. — Лучше водички принеси.

Незнакомец по имени Валера отправляется выполнять просьбу. А я нависаю над Глебом, встревоженно вглядываясь в его лицо, когда он прикрывает глаза.

Коляска? Кома? Тот свет?!

Так вот почему его штормило, пока он обнимал меня утром. Он нездоров... Причем, судя по словам незнакомца, это может закончиться очень плохо.

Сердце словно спотыкается, когда я понимаю, что он все еще может оставить меня. Невольно касаюсь хмурого лица, но тут же отдергиваю руку, когда Глеб лениво открывает глаза.

— Я ведь из-за тебя даже умереть не смог, — хрипит он.
— Ты все приходила во сне. И разбудить пыталась.

Глава 4. АНЯ: Решительная... дура

Я ему снилась, пока он был в коме?

Как бы я хотела быть рядом! Но я ведь была уверена, что его уже нет в живых. Набравшись смелости от его слов, я осторожно касаюсь хмурого лица.

Глеб тяжело вздыхает, прикрывая глаза и словно давая мне волю делать то, что я хочу, пока он не смотрит. Он едва заметно отстраняется от моей руки и сжимает губы в жесткую линию. Между его черных бровей пролегает глубокая складка.

Это какая-то внутренняя борьба. Уж я-то знаю. Каждую морщинку на этом лице выучила.

Видимо, проиграв свою душевную войну, Глеб хмурится и утыкается лицом в мою ладонь.

— За что ты так со мной, Невеличка? — тихо шепчет он.

Ноги подкашиваются от этого нежного прозвища, придуманного самим Глебом. Опускаюсь на край кровати и, окончательно осмелев, прохожусь пальцами по заросшей голове.

— Вам бы подстричься не помешало, Глеб Виталич, — бормочу, игнорируя его вопрос.

Сколько можно переливать из пустого в порожнее? Ну не знаю я, о чем речь. Вот как объяснит все толком, тогда и разберемся.

Рядом с кроватью снова возникает незнакомец. Я подни-

маюсь и отхожу, чтобы не мешать приводить Глеба в порядок.

— Сколько тебе повторять: я пластический хирург, а не твой семейный доктор, — ворчит мужчина, и я наконец понимаю, кто передо мной.

Валерий Александрович. Пластический хирург. Мы познакомились непосредственно перед нападением на клуб. Буквально за секунды до взрыва. Он вроде друг Глеба. Это хорошо, что рядом с ним есть люди, которые о нем заботятся.

— Рада, что с вами все в порядке, Валерий Александрович, — искренне говорю я, заглядывая через его плечо, чтобы видеть лицо Глеба.

— Не смей даже заговаривать со мной, — слышится тихий ответ доктора. — Если бы не Глеб, я бы тебя самолично придушил.

Отшатываюсь, словно мне влепили увесистую пощечину. Вжимаюсь в ширму, когда Валерий Александрович проносится мимо меня и покидает палату, оповестив об этом грохотом двери о косяк. Непонимающе смотрю на Глеба, который лениво размыкает глаза.

— Скажи еще, что уязвлена? — недобро усмехается он. — У Валерки отец очень сильно пострадал в том нападении, что ты помогла организовать.

— Я помогла? — хмурюсь непонимающе. — Глеб, да о чем ты?!

— Завязывай уже строить из себя святую невинность. Я

знаю, что ты была информатором этих баранов. Сливала им инфу об аукционе.

— Бред! — взрываюсь я. — Ты веришь в эту чушь?!

Приплыли. Ну, зато хоть какие-то подвижки.

— Сначала не хотел, — выдавливает он.

— А потом? — ошарашенно отзываюсь я, не в силах поверить, что меня так просто оклеветали. Да и кому это могло понадобиться? Кто я такая, чтобы меня подставлять?

— А потом ознакомился с доказательствами. — Каждое слово дается ему с большим трудом.

Во мне закипает праведный гнев. Я просто поверить не могу в то, что он говорит!

— Какими доказательствами, Глеб?! — Не могу сдержаться. — Доказательствами чего? Того, что я ничего не делала?

Он измученно выдыхает, и я понимаю, что совсем несвоевременно затеяла этот разговор.

— Я догадывался, что ты начнешь отпираться, — вяло кивает он. — Но все же надеялся услышать признание от тебя лично.

— Мне не в чем признаваться, — ровным тоном отвечаю я, чтобы не волновать неожиданного пациента, занявшего мое место.

Вижу, что Глеб хочет сказать что-то еще, но в палату возвращается Валерий Александрович со шприцем в руках.

— Еле выпросил, — ворчит он. — Щас вколю, но если вместо того, чтобы отлеживаться дома, продолжишь шатать-

ся где ни попадая, я тебя принудительно обратно в больничку упеку! А твою эту... в ментовку! Понял?

— Понял-понял, — усмехается Глеб, вновь облизывая сухие губы. — Сейчас только по-быстрому стоняем, все оформим, и домой.

— Глеб, — серьезно говорит доктор, — ты уверен, что это хорошая идея?

— Ты ведь сам слышал, — полусонно отвечает Глеб на непонятный мне вопрос. — Все еще считаешь, что он не мой? Мне нужны гарантии.

— Смотри сам. С тобой ведь бесполезно спорить, — отмахивается Валера, вкалывая Глебу какой-то препарат. — Полежи хоть часок. Не срывайся сразу.

Доктор выходит из палаты, и я снова крадусь к кровати. Поднимаю стул, который Глеб уронил чуть раньше, и усаживаюсь рядом. Глеб все же заснул.

Осторожно касаюсь его руки, прослеживая пальцем узор из плотных вен под смуглой кожей. Сгиб локтя под закатанным рукавом рубашки весь словно в комариных укусах и мелких синяках. Очевидно, от капельниц.

Бедный мой. Ты ведь терпеть не можешь больницы.

Спохватываюсь и тянусь к широкой шее, желая расстегнуть воротник рубашки, чтобы ему было легче дышать. Уже три пуговицы позади, а я все не могу оторвать руки от его горячей кожи. Так хорошо просто знать, что он жив. Иметь возможность прикоснуться к нему. Поговорить. Да просто

видеть его...

Правда, его состояние мне совсем не нравится. Как и реакция на меня.

Хотя... Судя по тому, что в полубреду он не помнил о своей напускной жестокости, он не так уж и ненавидит меня? Но и вряд ли все еще любит, как заверил меня в нашу последнюю встречу. Сердце неприятно сжимается. Словно я упустила что-то очень важное.

Может, еще не все потеряно?

Подаюсь вперед и касаюсь губами его груди. Плевать, чего он там себе надумал, я найду способ доказать, что не предавала его. Я уже достаточно знаю его вспыльчивый нрав. Пусть позлится. А когда остынет, сам поймет, что вся эта клевета шита белыми нитками.

Кроме того, я обязана Глебу жизнью. Если бы тот взрыв пришелся на мою спину, я бы точно не пережила. А он теперь страдает из-за меня. Сама помню, каково после комы. Тело не слушается, сколько ни массируй. Мозги в кашу, как ни пытайся сосредоточиться. Немудрено, что он принял все, что ему наговорили, за чистую монету.

Надо придумать способ побыстрее остудить его гнев. И вместе во всем разобраться. Потому как если информатор не я — а это точно не я, — то он все еще поблизости. А значит, и Глеб все еще в опасности.

Я должна постараться. Ради Глеба и своего ребенка. Нашего.

Глава 5.ГЛЕБ: Больше не поведусь

Анечка... Моя Анюта.

Сознание понемногу начинает проясняться. И я понимаю, что снова желаю увязнуть в своих сраных нереалистичных грезах. И так каждое утро за секунду до пробуждения. Словно невидимая граница моего душевного равновесия.

Тварь.

Я должен был сказать ей это! Но стоило попытаться, и мое неокрепшее после комы сердце отчего-то начало с утроенным усердием перекачивать кровь, вынуждая заткнуться.

Чувствую приятное давление в ногах и нехотя разлепляю глаза. Вижу, как тонкие пальчики с удивительной силой разминают мои одеревеневшие икры. Ползут выше, сжимая кожу бедра вместе с тканью брюк. В штанах становится тесно от опасно близких к моему паху рук.

Поднимаю взгляд на хозяйку сильных ладоней, и предательское сердце снова пускается в бешеный галоп. До скрежета сжимаю челюсти. Опять она... Я бы предпочел, чтобы все связанное с ней оказалось гребаным сном. Не знать ее. Не видеть никогда.

Рвано выдыхаю.

Идиот! Грожусь расправой. Видеть и знать не желаю, а на деле даже не могу найти в себе сил оторвать от нее взгляд. Нахмуренный лоб покрылся испариной от натуги. Темно-зо-

лотые волосы липнут к влажной шее.

Как под гипнозом наблюдаю за капелькой пота, стекающей по тонкой коже. Невольно облизываюсь. Мое дыхание становится тяжелым, и я понимаю, что надо срочно переключиться, пока не сорвался, как утром.

— Что ты делаешь? — хриплю я.

Думал, для приличия хоть вздрогнет от неожиданности. Заодно бы и меня остудила. Но, похоже, моя актриса устала-таки притворяться невинной овцой и перешла к откровенному соблазнению. Ну, посмотрим, какая ты настоящая.

— Разминаю мышцы, — равнодушно пожимает плечами она, продолжая терзать мое бедро. — Просто до сих пор помню, как сама очнулась от комы. Все, о чем могла мечтать, — это чтобы кто-нибудь сделал мне массаж.

— Ну и как? Удалось договориться с кем-нибудь в больнице и снять напряжение? — двусмысленно спрашиваю я.

Сам не знаю зачем. Может, уколоть побольнее. Или все же хочу знать, был ли у нее кто-то после меня? От одной мысли об этом сводит скулы.

— Да нет, — отмахивается Аня, проигнорировав скрытый смысл моего вопроса. — Они там вечно носятся как оголтелые. А это вроде мелочь такая... Как-то неловко было просить.

Хмурюсь. Что еще за херня? В смысле «просить»? Ей обязаны были обеспечить полный уход, разве нет?

Усилием воли отсекаю абсолютно неуместные вопросы.

Это вообще не мое дело! Видимо, у ее пособников попросту не хватило денег на реабилитацию!

— Сама потихоньку, — продолжает Аня как-то буднично, не прекращая разминать мои бедра. — Сил, правда, особо не было. Но как могла, массировала.

Невольно заслушиваюсь ее голосом, забывая генерировать ядовитые комментарии. Слежу за нежными губами, которые поджимаются каждый раз, когда она делает усилие.

Слишком старательно входит в образ заботливой сиделки. Но я чувствую, что неосознанно ведуь на эту ее игру. Даже дыхание сбивается, пока я наблюдаю за тем, как Аня прикусывает язычок, прикладывая силы.

Сейчас бы взять этот лживый ротик и насадить...

— Завязывай! — рявкаю не так яростно, как хотелось бы.

Усаживаюсь в кровати и поправляю брюки, пока она не спалила мою заинтересованность ей.

— Отдохнули? — Аня покорно отходит к ширме, складывая перед грудью руки, и едва заметно мнет пальчики.

В теле легкость такая, будто после профессионального массажа. Она что же, все время, пока я спал, разминала мои мышцы?

Слегка подвисяю, разглядывая ее подрагивающие ладони. Так близко, что у меня, по ходу, крыша едет. Я так ждал ее. И вот она рядом. Да только если бы знал, как все обернется, лучше бы и не очухивался. Хоть запомнил бы милым заботливым ангелом.

Поднимаю взгляд на голубые глаза, что смотрят на меня с какой-то непроходимой тоской, и невольно глубже вдыхаю. Между нами витает навязчивый цветочно-травяной запах. И мне хочется припереть девчонку к стенке, чтобы впитать ее целиком, всеми легкими. Оказывается, вот как она пахнет, когда не пахнет мной.

Хочу ли я ей верить? Нет. Не могу быть идиотом, который, наплевав на все предоставленные доказательства, ведется на лживую сучонку. Просто хотел бы вычистить память. До нуля. Чтобы не помнить всех тех бумажек, что собрали на нее «добрые люди». Стиснуть в объятиях и любить, пока сама не попросит остановиться.

Морщусь, осознавая, насколько невозможно мое желание, и первым опускаю взгляд, оценивая свою смятую одежду и масштабы личной катастрофы. Я же теперь вечность от ее прикосновений отмываться буду. Кожа буквально горит от одной мысли, что она трогала меня, пока я спал.

Растерзать хочу. И сожрать. Чтобы покаянно стояла передо мной на коленях и буквально высасывала прощение...

Довольно!

В гневе подрываюсь с кровати, чувствуя, что провокационные мысли не планируют останавливаться, и тут же хватаюсь за спинку стула. Меня ведет, а голова словно наливается кипятком.

Аня тут же бросается ко мне и подхватывает под локоть.
— Ну куда ж вы так вскакиваете? — возмущенно, словно

имеет право, восклицает она.

Замечаю, что опять перешла на «вы». Значит, сама догадалась субординацию соблюдать. Что еще раз подтверждает: а рыльце-то в пушку.

— Я сказал — завязывай, — шиплю, дергая плечом и освобождая руку.— Я больше не поведусь на эти твои игры в заботу, так что можешь не стараться.

Вру, конечно. Потому и вынуждаю ее остановиться. Чувствую ведь, что поведусь. И еще как поведусь. Уже начал.

Глава 6. ГЛЕБ: Инстинкты

Аня послушно отходит, а я вспоминаю, как утром она бросилась мне на шею. У ног ползала. И это ее «прости»... По ходу, решила просто добить меня. Если бы не сорвался на поцелуй, то убил бы!

Выпрямляюсь и поправляю закатанные рукава.

— Поехали, — бросаю холодно.

— Куда? — непонимающе хлопает она своими голубящими глазами. И зачем я только смотрю? — Так ведь часа еще даже не прошло. А Валерий Александрович сказал...

— Я как-нибудь сам разберусь, — перебиваю ее, шагая к дивану, на котором оставил пиджак. — В твоей компетенции — родить мне здоровую дочку. Все остальное не твое дело.

Боковым зрением замечаю, как она съеживается при упоминании о ребенке.

— Глеб, прекрати, пожалуйста.

Слышу боль в ее голосе. Наигранную, конечно. Но совсем игнорировать не выходит. Стоит представить, что ей действительно может быть больно, как сердце тут же начинает колотиться, едва не пробивая грудную клетку.

— Я ни в чем не виновата, — с надрывом продолжает она. — И никогда не предавала тебя.

Прикрываю глаза, запрокидывая голову к потолку. Шумно выдыхаю.

— Давай допустим. — Снова поднимая взгляд на обнаглевшую лгунью, поправляя воротник рубашки. — Тогда ответь мне... Кто оплатил твои больничные счета после аварии?

Этот вопрос у меня как спасательный круг в болоте ее лжи. Чтобы снова не затянуло. Есть только два варианта: либо соврет, лишний раз подтвердив, что предала меня, либо скажет правду, и тогда я получу от нее долгожданное признание в предательстве.

Сам не понимаю, на кой мне это сдалось. Словно собранных доказательств все еще недостаточно. Но кажется, если она доверится мне и признается, мне наконец станет проще дышать.

— В смысле? — Снова непонимающе хлопает голубыми глазками.

Нет. Она не хочет проявить ко мне милосердие.

Что, удивлена, что я в курсе?

— То-то и оно. — Мрачнею. — Ты не можешь ответить. И не утруждайся. Я и без тебя уже знаю, что это мои бывшие, а твои нынешние друзья постарались. Ребята молодцы! Я их недооценил. Поумнели с тех пор, как мы были по одну сторону баррикад. Слепили себе идеального шпиона. Подлатали ровно до того, чтобы ты живой осталась. А со зрением решили повременить. Ведь никто не станет думать на слепого котенка, что он — крыса? Не так ли?

Не смог удержаться от тирады. А ведь планировал вооб-

ще без лишней необходимости с ней не говорить. Валерка прав. Она как цыганка. Моя личная цыганка. Зубы заговаривает. Проворачивает эти свои фокусы пикаперские. Или это какое-то НЛП?

Вот как сейчас. Смотрит так жалобно, пробуждая во мне какие-то звериные инстинкты, отвечающие за защиту моей самки. Ротик свой персиковый приоткрывает, будто сказать что-то хочет. Но не решается. Прихватывает влажную губку зубами.

Шумно сглатываю.

Аня тыльной стороной ладони смахивает с шеи каплю пота, вызывая во мне приступ неоправданной заботы этим, казалось бы, безобидным жестом.

— Чувствую, мне придется постараться, чтобы восстановить свое честное имя, — так и не найдясь, что ответить, тихо говорит она.

Стойкая. Сдаваться не намерена, значит. Это мы еще посмотрим!

Шагаю к двери, чувствуя, что меня не отпускает желание и дальше слушать ее. Пусть оправдывается. Пусть врет, что любит. Просит прощения. Только бы этот лживый голос не смолкал в моей голове...

По инерции сплетаю свои пальцы с чужими. Тонкими такими. Подрагивающими... Резко останавливаюсь в дверях палаты и непонимающе пялюсь на хрупкую ладонь в своей руке. Поднимаю очумевший взгляд на обнаглевшую девицу.

Какого хера она делает?! И когда только успела?

А она стоит и улыбается.

Сердце предательски екает и подскакивает к горлу. Делаю усилие над собой, чтобы не сорваться. В груди клокочет нечто, напоминающее ярость.

Пока она была слепой, я и не замечал, что она еще и чокнутая, хотя тогда я много чего не замечал. Насколько мне известно, это как раз у ненормальных напрочь отсутствует чувство самосохранения. Или она действительно не воспринимает меня всерьез?

Выдергиваю руку, избавляясь от лживой змеи.

— Не прикасаться! — рычу, предупреждая выставя перед ее носом указательный палец. — Не заговаривать без весомого повода! Не пытаться развести меня, пока я в бессознании! Я все твои фокусы уже изучил! Если еще не поняла, ты для меня — просто инкубатор!

Вижу, что ей больно. Прикрывает глаза, глотая слезы. Вроде так и должно быть. Только не у той, что играла с самого начала. Значит, и это всего лишь игра? Тогда почему я ведусь? Грудная клетка ходуном ходит. Кровь в висках грохочет.

Бездумно тянусь к покрасневшей щеке.

Пальцы замирают в сантиметре от розовой кожи. А Аня будто чувствует. Не открывая глаз, слегка склоняет голову навстречу...

Резко отдернув руку, ошалело гляжу на эту цыганку, что

гипнотизирует меня одним своим видом. Глаза мечутся по тонким чертам лица. Вздернутый носик. Темные подрагивающие ресницы над розовыми щеками. И губы.

Сладкие такие. Я-то знаю...

Хотел бы заточкой из памяти это знание выпилить!

Аня вдруг натягивает на лицо ненатурально-вежливую улыбку, распахивает глаза и, вздернув упрямый подбородок, выходит из ВИП-палаты с видом победительницы. Королева... Не иначе. Сейчас бы этот рот, вместе с его улыбочкой, в дело пустить! Сука последняя! Еще издеваться вздумала?! По ходу, так и не уловила основных принципов наших новых взаимоотношений?

Догоняю ее уже в коридоре. Ловлю за локоть и грубо разворачиваю к себе лицом.

— Чувствую, ты все еще чего-то не понимаешь, — рычу, забив на проходящих мимо людей. — Возомнила, что имеешь какую-то ценность для меня и можешь устанавливать правила?! Так вот, девочка, отныне правила здесь устанавливаю я! А ты даже шагу без моего ведома ступить не имеешь права! Усекла?

Дергаю ее за руку и увлекаю за собой к лифту, зло сжимая в ладони тонкие пальцы.

Глава 7. ГЛЕБ: Манипуляторша

Спокойно. Это ненадолго. Сколько мне надо продержаться? Всего-то месяца четыре. Четыре месяца! Вашу ж мать! Да она в прошлый раз за несколько дней управилась. На колени меня поставила и в грязь втоптала. На что я подписался, по собственной же воле?!

До меня только на парковке доходит: что-то не так. Опять как баран смотрю на свою руку и понимаю, что невольно сделал то, чего она хотела. Держу ее пальцы. И словно приклеился. Не могу ладонь разжать.

Вот же... манипуляторша!

Аня отступает первой. Вынимает свою руку из моей, и вижу, что она едва сдерживает улыбку.

— Что смешного? — рывкаю я.

— Если хотели за ручку подержаться, можно было сразу согласиться, — бросает нахалка и прячется за дверь моего внедорожника.

Непонимающе гляжу ей вслед. Как она может оставаться такой непосредственной? Да чтоб тебя! В голове проносятся отборные ругательства, пока я топаю к машине.

— Поехали, — зло бросаю водиле, плюхаясь на сиденье.

Полностью игнорирую свою спутницу, однако взгляд сам ползет к ремням безопасности, обтянувшим округлый животик. Хотя что-то настоящее в этой девчонке есть. Словно

холодным душем окатывает осознание: я — папа.

Проглатываю вставший в горле ком и исподлобья гляжу на Невеличку. На меня смотрит. И нежность в глазах такая, что у меня снова начинается тахикардия. Отворачиваюсь. Но кожей чувствую, что она продолжает поглядывать на меня. Будто хочет что-то сказать. Но я ведь запретил.

Послушная какая. Не порвет молчать, пока я не позволю подать голос? А я и не позволю.

— Витя, скройся, — строго велю я, замечая, что водила отвлекается от дороги, то и дело бросая недобрые взгляды в сторону Ани. — И внимательней!

Межсалонная перегородка приходит в движение. И не успевает до конца подняться, как я уже понимаю, что это была плохая идея. Ехать через весь город. Тем более по пробкам...

Становится душно. Приоткрываю окно, но не могу отделаться от чувства, что взгляд кристально-голубых глаз прожигает мой затылок.

Хочу ли я узнать, что она там задумала? Нет. Абсолютно! Меньше контакта — меньше опасности.

— Ну что?! — рывкаю я, резко поворачиваясь к Ане.

Не прогадал. Смотрит. Пристально так. И кажется, в ее глазах светится какой-то интерес.

— Хотела вам кое-что показать, — несмело улыбается она. Тянется к моей руке, что покоится на кожаном подлокотнике. — Можно? — бормочет, касаясь пальчиками моей

ладони.

Невольно напрягаю все еще ноющие мышцы, но поддаюсь. Позволяю ей взять свою ладонь. Что собралась делать моя личная цыганка? Никак, судьбу предсказывать?

Аня одним движением захлопывает между нами подлокотник и придвигается ближе, ловя мою вторую ладонь. Хмурюсь, усилием воли заставляя себя остаться на месте. На что бы я ни согласился, мне это точно не понравится.

— Новая машина? — спрашивает вдруг она, будто желая отвлечь мое внимание.

— Чего? — теряюсь я.

— Тут запах другой, — говорит, не выпуская мои руки.
— Да и подлокотника я не помню.

Потому что раньше у меня не было желания отгородиться от нее, как от опасности...

Рвано выдыхаю, когда мои ладони вдруг оказываются на упругом животике. А по телу прокатывается волна трепета.

— Что ты...

— Тише, — обрывает Аня. — Сейчас...

Опускает голову и смотрит на мои руки на своем животе.

— Привет, маленькая, — говорит тихо, но уверенно.

Толчок. Легкий такой, будто пузырек воздуха.

Задерживаю дыхание, прислушиваясь к ощущениям. Желая снова почувствовать.

— Эй, привет, — почти шепчу из-за пересохшего горла.

Нет реакции.

— Злата Глебовна, поздоровайтесь с папой, — ласково просит Аня.

И снова толчок. Теперь уже уверенный.

Ошарашенно открываю рот, поднимая взгляд на Анюту. В голубых глазах стоят слезы.

Злата? Папа? Меня пробирает дрожь. Это слишком. Сейчас не могу. Не могу не верить ей.

Подаюсь вперед и заключаю в объятия обеих. Вот так... Теперь хорошо. Слепо нахожу Анины губы и неторопливо смакую их. Невеличка поддается. Как всегда. Размыкает ротик, впуская мой язык, и нетерпеливо стонет, будто только того и ждала. Прямо как сегодня утром. Когда она ползала у моих ног, моля о прощении.

Ненавижу. Видеть не могу ее, такую жалкую.

Но устоять не смог. Хотел снова почувствовать ее вкус. Просто убедиться, что она не имеет для меня значения.

Но черт, это лучшее угощение в моей жизни. И если бы меня не повело утром, то я бы взял ее прямо на том столе. Просто сожрал бы.

Невольно скольжу пальцами по хрупкой спине, ощущая каждый позвонок. Почему опять такая худая? Совсем не ест, что ли? Чувствую, как злость снова занимает главное место в моей душе. Меня убила и за моего ребенка взялась?!

Не поверю, что у нее совсем нет денег. За слив информации обо мне можно было неплохо заработать. К тому же... я по сей день перечисляю ей зарплату. Так что игра в бедную

сиротку, которой даже есть нечего, на меня не подействует!

Подозреваю, что ей вовсе и не нужен ребенок от меня. Просто так совпало. А когда поняла, что залетела, избавляться было поздно. Ну ничего... Зато мне нужен!

— Жаль, Злата никогда не узнает маму, — шиплю в призывно приоткрытый ротик.

Аня вздрагивает и отстраняется.

— Ты не сделаешь этого, — шелестит побледневшими губами.

И я на секунду теряюсь, осознавая, что ошибся в своем предположении. Значит, моя дочка ей все же нужна? Тем лучше для меня. И большее для нее.

— О, поверь, — угрожающе рычу я. Однако голос подводит, не позволяя мне закончить.

Но она и так все поняла. Глаза — как голубые блюдца. Рот открывается и снова закрывается, как у рыбки.

— Нет, — выдыхает Аня, явно набравшись смелости. — Нет! Тебе не отобрать ее! Ты нам никто...

— Ошибаешься, — перебиваю я, ухмыляясь и указывая на здание, к которому мы подъезжаем.

— Эт-то... ЗАГС?

Глава 8.АНЯ: Удобная позиция

— Переодевайся! — Оказавшись в небольшой комнате посреди дворца бракосочетаний, Глеб кивает в сторону висящего на вешалке платья.

Наверно, о подобном мечтает любая девочка. Шикарный свадебный наряд, подобранный ее любимым, и свадьба-сюрприз. Это ведь прямо сказка какая-то...

Только не в моем случае. Не после того, что он сказал мне в машине.

— А что, если я отвечу «нет»? — роняю тихо.

— Всем плевать! — гневно бросает в ответ Глеб. — Хоть целую речь надекламируй о том, что я принуждаю тебя к браку! Сегодня ты все равно станешь моей женой!

Должна признать, методы мести у него весьма изощренные. Об этой стороне Глеба я и не догадывалась. Только вот... кому он таким образом мстит?

Нет, с регистрацией все понятно. Тут чистой воды расчет. Собрался стать моим мужем, чтобы иметь официальное право на дочку. Я даже не спрашиваю, как он умудрился подать заявление. Тут тоже все ясно. Мой паспорт, очевидно, был у него, а отсутствие невесты при подаче заявления легко решает щедрое пожертвование.

Но к чему весь этот маскарад с переодеванием, если брак фиктивный? Хочет сделать мне больно? Так я-то знаю, что

не виновата. А значит, рано или поздно все просто обязательно встать на свои места. Тем более раз Глеб позволяет мне остаться с ним.

Так кого он хочет ранить?

Останавливаюсь рядом с вешалкой, пробегаюсь пальцами по плотному атласу и поворачиваюсь к Глебу, который безуспешно пытается расстегнуть рубашку.

— А, черт! — раздраженно рычит он, не в силах справиться с дрожащими пальцами. Рывком разрывает осточертевший ряд пуговиц и стягивает рубашку.

Мой взгляд бездумно скользит по оголившемуся торсу, пока я пытаюсь собраться с мыслями.

Он очень зол. Что неудивительно, если учесть, в каких грехах я обвиняюсь. Пытаться сбежать и скрываться, дабы спасти своего ребенка, — глупо. Во-первых, я не трус больше и просто обязана во всем разобраться. Во-вторых, отчасти все же трус, потому что знаю: у входа стоит Виктор, и дальше него мне не пройти. Можно сказать, в окружении Глеба, рядом с самим Глебом, мне сейчас безопаснее всего. А еще это очень удобная позиция, чтобы понаблюдать за этим самым окружением.

Что ж, на мне ярлык шпиона, значит, я просто обязана справиться с поставленной задачей и вычислить реального предателя.

Влезая в брюки, Глеб поднимает на меня разъяренный взгляд, очевидно, решая сорвать злость на мне.

— Так и будешь стоять?! Одевайся! Или мне самому напялить на тебя это чертово платье? Как раньше?!

Стать женой Глеба? Чтобы спасти нас всех? По-моему, неплохая идея.

Скрестив руки, хватаюсь за майку и задираю ее. Стянув с головы, успеваю заметить голодный взгляд Глеба, жадно скользящий по моему телу, прежде чем он успевает отвернуться. Однако даже этот короткий взгляд вызывает табун мурашек в районе затылка.

Ну, по меньшей мере, он все еще меня хочет. Это уже что-то. Ухмыляюсь. А вот и мостик...

Снимаю с вешалки свое свадебное платье и ныряю в него, укутываясь в облако белоснежного атласа. Стягиваю лифчик и, придерживая у груди корсет, нерешительно подхожу к Глебу, который как раз натягивает свежую рубашку.

— Поможете? — вежливо прошу в надежде, что моя уловка позволит хоть немного его остудить.

Глеб поворачивается в некотором недоумении. Ой, совсем забыла, мне ведь нельзя заговаривать с ним без разрешения. Как скажете, Глеб Виталич. Значит, поиграем в крокодила!

Поворачиваюсь к нему спиной и через плечо указываю ему на шнуровку. Слышу, как он мучительно вздыхает, но все же берется за ленты. Собираю растрепавшиеся волосы и перекидываю через плечо, чтобы они не мешали.

Резкий рывок вынуждает меня с невольным стоном вы-

пустить весь воздух из легких. Чувствую, как кулаки у меня под лопатками до скрипа сжимают атласные ленты, будто ненароком скользя костяшками по россыпи камней, обрамляющих корсет.

Еще рывок, и я невольно врезаюсь в грудь Глеба. Слышу его тяжелое дыхание у своего уха, и от плеч по рукам расплывается дрожь предвкушения. Не спешит отстраниться. Оттого у меня внизу живота собирается тепло.

Глеб вдруг проводит пальцами по моей шее, как бы убирая волосы. Да только я ведь уже все собрала. Значит, повелся? Хотя, судя по моим собственным ощущениям, у него тоже просто не было других вариантов. Реакцию тела не так-то просто контролировать. Это я узнала еще тогда, когда впервые была с ним.

Глеб вновь берется за шнуровку, слегка отстраняя меня от себя. Однако я не отхожу. Только слегка наклоняюсь. И даже сквозь атласные юбки ощущаю всю мощь его напряженного тела.

Еще рывок. И я жадно облизываю губы, впечатываясь бедрами в его пах. Слышу, как Глеб шумно сглатывает. Осознание, что ему заходит моя игра, вынуждает меня взволнованно ерзать. Как же я хочу его! Просто с ума сойти можно... И тут уже речь не столько о соблазнении, сколько об удовлетворении собственных потребностей.

Признаться, раньше я думала, что беременные вообще не хотят секса. Как же я ошибалась! Стоило оказаться в этих

сильных руках, как я тут же буквально вся вспотела от желания.

Не сдержавшись, стону, когда Глеб делает еще один рывок, натягивая шнуровку. И мне вторит сдавленный рык. Чувствую, как от этого утробного звука у меня поднимаются волоски на коже и словно кипятки растекается по всему телу.

Большая ладонь, проскользнув по моей груди, ложится на мое горло, заставляя выпрямиться. С удовольствием вжимаюсь лопатками в горячий торс. Откидываю голову на мощное плечо, удовлетворенно закрывая глаза, когда моей шее касаются мужские губы.

Вторая рука ложиться на мое бедро и с силой притягивает ближе. Глеб буквально вжимается в меня, неторопливо покачиваясь на пятках.

— Значит, полевые цветы? — шепчет он, утыкаясь носом в мое ухо. Мажет губами по щеке, словно втягивая мой запах.

— Мгм, — выдыхаю я.

Глеб порывисто разворачивает меня к себе и впивается в рот грубым поцелуем. Борода оцарапывает мои губы, и эта мелочь придает нашей предсвадебной прелюдии особый шарм. Так я чувствую, что это все реально.

Прикусываю его губу. Чтобы и он почувствовал.

Глеб отстраняется в некотором недоумении, хватая ртом воздух. Сквозь поволоку страсти шокированно глядит на меня, словно не был готов к подобному. Хмурится. Но я уже не

могу остановиться. Он наконец-то рядом, и я не хочу выпускать его из своих на удивление ловко расставленных сетей.

Привстав на цыпочки, зарываюсь пальцами в его спутанные волосы и прохожусь влажными поцелуями вдоль его растянутого воротника. Касаюсь губами выступающего кадыка и спускаюсь ниже, легким движением справляясь с пуговицами на его брюках.

— Клянусь, ты ведьма, — мучительно выдыхает он, подаваясь мне навстречу.

Благодарю за комплимент, мой будущий муж...

Глава 9.ГЛЕБ: Опять эти чертовы пуговицы

Ах ты ж, вашу мать... Это точно сон. Невеличка в облаке белоснежного атласа передо мной на коленях...

Настойчивая трель звонка отрезвляет меня, вынуждая наконец осознать, что я натворил.

Прохожусь пятерней по волосам, слегка сжимая голову. Тело горит от возбуждения. Если я сейчас не дам этому выход, то просто взорвусь! Но если позволю ей закончить, то до конца дней буду проклинать себя.

Не могу остановиться. Не хочу...

Однако сделать самостоятельный выбор мне не позволяет эта наглая соблазнительница. Аня с невозмутимым видом отстраняется от меня. Поднимается на ноги.

— Телефон, Глеб Виталич, — невинно хлопая глазками, говорит новаяявленная искуссительница, вытирая раскрасневшиеся губы.

Сука... Смотрю на нее не в силах поверить, что это тот же человек, который пару месяцев назад вторгся в мой дом. Этот задорный огонек в ее глазах и несмелая, но какая-то лукавая улыбочка на четко очерченных губах. Где же невинная беспомощная овечка? Она знает, что мне понравилось. Как знает и то, что я предпочел бы продолжить. Настолько

выучила меня на ощупь, что теперь хватает одного взгляда, чтобы разгадать мои чувства.

Ощущение, будто она реально поиздеваться надо мной решила. Или действительно соблазнить пытается? И у нее неплохо выходит. Но какой в этом толк, если все наши отношения — фарс?

Мысли прерывает вновь повторяющаяся мелодия звонка. Поправляя брюки, тянусь к дивану, на который бросил телефон. Аня не отходит, и это мешает сконцентрироваться. Однако и сам я не стану капитулировать. Отвечаю на звонок, не отводя от девушки взгляд.

— Глеб, ты с ума сошел?! — вопит в трубке голос сестры. — Ты реально собрался жениться на этой крысе?!

Аня совершенно точно слышит. Думал, увижу на ее лице нечто вроде неприязни из-за такого определения «подруги», однако... Вместо этого в ее глазах загорается какая-то ясность. Будто она понимает нечто, доступное только ей.

Хочу знать.

Но в ухо продолжает изливаться сестра, напоминая мне обо всех нежелательных последствиях. А Аня тем временем прячет взгляд.

— Совсем больной?! Или мозги после комы сварились к чертям?! Зачем тебе это?! Мало она тебя развела? Решил еще раз удачу попытать с этим лохотроном?!

И это она еще не знает, что Аня беременна. Я строго-на-строго запретил Вите и Валере об этом распространяться.

Неосознанно поднимаю руку и прихватываю острый подбородок, вынуждая девочку поднять на меня взгляд.

— Она ведь теперь еще и бабок с тебя поимеет! Ты только подумай! Все официально! Захочет развестись и...

— У нас брачный договор, — прерываю я Ларису, мазнув пальцем по припухшим губкам. — Так что тут вариант «поиметь» достается только мне.

Аня облизывает губы, нарочно задевая мой палец. По телу прокатывается волна вождения.

— Да она ведь дрянь последняя, Глеб! — не унимается сестра, растеряв все аргументы и оценив мой непоколебимый тон.

— Знаю, — хриплю в ответ, не в силах оторвать взгляд от смыкающихся на моем пальце губ.

Но как же я эту дрянь хочу...

— Лар, ты бы организовала мне вечеринку в честь остеопения. А со своей дрянью я как-нибудь сам разберусь.

Аня лукаво улыбается, глядя мне прямо в глаза, и игриво прикусывает мой палец зубками.

В голове не укладывается... Слишком непосредственная. И взгляд слишком открытый. Для шпионки. Мерещится, будто она действительно рада быть рядом со мной. Вьется, как кошка. И это желание... ЕЕ желание, что, похоже, сродни моему. Я его всем телом ощущаю. В воздухе буквально фонит ее феромонами.

Она так натурально хочет меня... Разве реакцию тела воз-

можно подделать? Ладно слова. Все лгут. Ладно эмоции. Немало искусных актеров на своем веку повидал, чтобы вестись. Но почему-то именно отклик ее тела сеет во мне зерно сомнения. Не могу так просто отбросить весь имеющийся у меня на нее компромат. Но что, если тут нет каких-то крайностей?

Предала? Допустим. Но, может, вовсе не по своей воле?

Неожиданная и обнадеживающая догадка вынуждает меня отдернуть грубую руку от нежного рта. Сбрасываю звонок сестры, не желая больше слушать ее излияния, и, убрав телефон в карман брюк, отшатываюсь от Ани.

Может, на бабки попала? Или ей угрожали? Крысам нет оправдания, но если бы она рассказала, я бы попытался... понять.

Пальцы снова почему-то дрожат, пока я безуспешно пытаюсь застегнуть чертову рубашку. В поле моего зрения попадает белоснежный подол платья, и я уже знаю, зачем она подошла. А потому бессильно опускаю руки.

Все эти чертовы пуговицы...

Анюта кладет ладони на мою грудь и, будто расправляя невидимые складки, поглаживает мою кожу сквозь тонкую ткань рубашки. Жадно впитываю ее невозмутимый образ, желая поскорее выбросить из головы все выстроенные между нами преграды, чтобы просто насладиться ею.

Скользит пальцами к пуговице на моем вороте и без труда справляется с ней, вынуждая меня нервно сглатывать.

— Хотя бы побрились к свадьбе, Глеб Виталич,— с укоризной говорит она, как бы невзначай пробегаясь пальчиками по моей бороде.

Боже, какая она красивая. Моя невеста. Моя предательница.

— Признайся сейчас, Невеличка, — хриплю я едва ли не умоляюще.

Она поднимает взгляд на мои глаза и, словно набравшись решимости, кивает. Я облегченно выдыхаю, готовый выслушать ее покаянную речь. Хочу дать шанс. Последний. Самому себе. Если она признается, у меня будет возможность... простить ее.

— Я... люблю вас, Глеб Виталич, — говорит уверенно.

У меня замирает сердце. Шумно вдыхаю и хочу отсечь эту наглую ложь. Но лгунья вдруг коротко целует меня в губы и выскакивает за дверь.

Глава 10.АНЯ: Подарок

Обалдеть. Что я наделала?

Стоя перед раковиной в туалете ЗАГСа, гляжу на свое отражение в зеркале, не в силах сдержать улыбку.

Он сейчас, наверно, в еще большем бешенстве. Сердце трепещет, когда я вспоминаю его затуманенный страстью взгляд, а затем и удивленное лицо. Да я, признаться, сама от себя не ожидала такой настойчивой наглости.

Но чего он ждет? Того, что я признаюсь в том, чего не делала? Фигушки!

Наспех причесываюсь раздобытой у работников ЗАГСа расческой. Собираю волосы в высокий хвост, а затем скручиваю его в объемную гулю. Извернувшись, подхватываю так и не завязанные ленты корсета и осторожно затягиваю их сзади на уровне живота. Боюсь, если бы Глеб продолжил с тем же пылом затягивать корсет, у меня случились бы преждевременные роды.

Снова поднимаю взгляд в зеркало, придирчиво оценивая получившийся образ. Если учесть отсутствие всяких визажистов и парикмахеров, вполне достойно.

Хотя я и на выпускной сама собиралась, так что мне не привыкать. Правда, тогда под рукой хоть какая-то косметика была. Да и шпильки. А сейчас в арсенале только чужая расческа и моя потрепанная резинка, которую мне все же уда-

лось ловко замаскировать волосами.

Да, прическа вышла очень даже ничего. Платье и вовсе шикарно. Бледновата, правда. Хватаюсь пальцами за щеки и слегка щипаю кожу. Зато губы алые от...

Ой, мамочки! Прикрываю лицо, пытаюсь спрятаться от стыда. Ну вот, можно было и не щипать щеки, и без того теперь красная как рак вплоть до самого декольте.

Сделав пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться, выхожу из уборной в коридор, где меня сторожит недовольный Виктор.

— Вас уже ожидают в зале торжеств, — бубнит он.

— Прекрасно, — улыбаюсь я, зная, что в число ожидающих входит Глеб. — Без меня все равно не начнут. — Пожимаю плечами и прогулочным шагом устремляюсь к просторному холлу. — Знаете, а я ведь вас себе совсем иначе представляла, — бросаю через плечо водителю Глеба.

Он молчит, не выдавая своего присутствия.

— Неужели тоже верите, что незрячая беспомощная девчонка способна быть шпионом? — ступаю я на опасную дорожку, останавливаясь у дверей зала.

Виктор равняется со мной и, так же остановившись у двери, смотрит на меня долгим неприязненным взглядом.

— Глупая ты, — ворчит он. — На него смотреть больно после того, что ты с ним сделала. Еще и отпираешься. Если бы призналась, он, может, даже нашел бы в себе силы простить тебя.

— Мне не в чем признаваться, — уверенно отсекаю я.

Он напряженно выдыхает и вытаскивает из кармана телефон.

— Мне босс вообще запретил с тобой заговаривать. Но вдруг это поможет тебе вспомнить, что ты натворила.

Он поворачивает мобильник экраном ко мне.

«Я слышал, как наши обсуждали, что слепота неожиданно оказалась на руку нашему человечку».

— Теперь припоминаешь? — морщась, говорит Виктор.
— Признайся, ради бога. Не добивай ты его. Он ведь... —
Осекается, когда на мое лицо наползает улыбка.

— Спасибо за свадебный подарок, Витюша! — довольно выдаю я и, дружески похлопав его по плечу, прячусь за дверь. Теперь ситуация стала немного яснее.

Действительно странное сообщение. Насколько мне известно, в окружении Глеба слепых больше не наблюдается. Значит, это сказали намеренно, чтобы свалить на меня. Не пальцем в небо.

Витя не врет. Не думаю, что он причастен к этой клевете. Скорее, просто жертва чьих-то козней. Как и я. Он слишком печется о состоянии своего начальника, и его искренность видна невооруженным глазом. А отсюда и неподдельное желание меня убить. Тут я с ним полностью согласна. Только попадись мне этот шпион! Я его собственными руками придушу!

Шагаю на центр зала, где меня уже ждет Глеб. Бросает

на меня хмурый взгляд, однако в глазах загорается нечто живое. Мягкое такое. Любимое. Пробегается мурашками по моему телу и снова прячется за непроницаемой маской. Глеб выпрямляется перед регистратором, которая тут же занимает свою позицию у стола.

Церемония кажется поспешной. Будто укороченная версия обычного бракосочетания. Ни тебе напутствий про лодку любви, ни напоминания, что мы теперь ячейка общества под названием семья. Может, у них в Москве так и принято? Хотя что-то подсказывает: это с подачи Глеба из речи организатора изъяты лишние подробности.

Помню, у нас в Воронеже мы с папой ходили на свадьбу к его бывшему сослуживцу. Так я едва не уснула, пока дамочка в желтом сарафане в горох декламировала свою речь. Правда, та свадьба мне запомнилась не только этим.

Уже на банкете я поняла, зачем папа потащил меня с собой, когда мне надо было готовиться к экзаменам. Старший сын этого в четвертый раз «жениха» как раз искал невесту, коей с какой-то стати должна была оказаться я.

Мы с папой тогда сильно поругались. И я сбежала в Москву, когда до меня дошла простая истина: он просто хотел освободить жилплощадь от «достигшей совершеннолетия нахлебницы», чтобы она не мешала ему устраивать в квартире притон со своими собутыльниками и гулящими женщинами.

— Согласны ли вы, Хрусталева Анна Васильевна...

Регистратор переходит к сути, а у меня екает сердце. Готова ли я? Справлюсь ли с его злостью? Найду ли реального информатора, чтобы очистить свое имя перед Глебом?

Бросаю на невозмутимого мужчину беглый взгляд и подвисяю. Разве я могла смотреть еще на кого-то? Будь это хоть сыновья папиных «друзей», хоть раздражающие одноклассники... Я уже тогда была влюблена в хмурого парня с обложки журнала.

Даже с этим творческим беспорядком на голове и неухоженной бородой — такой красивый. По-мужски красивый. Огромный, как скала. А я — кнопка, жмусь у его плеча. И чувствую себя такой защищенной рядом с ним, как никогда в жизни. Даже когда он злится.

Чувствую... Нет, знаю: не обидит он меня. И в чем бы меня ни обвинял, другим в обиду тоже не даст. Не зря же запретил Вите со мной говорить? Не зря Валерия Александровича не поддержал в его желании сдать меня в полицию? Не зря же от Ларисы отмахнулся? Сам разберется. То что надо.

Опускаю глаза к животу. У нас теперь есть крепкая и нерушимая связь. Разве я могу отказаться от этого? Ощущение, что мне хватило полдня, чтобы сдвинуть валун ненависти Глеба с мертвой точки, дарит надежду. А у меня в запасе аж несколько месяцев.

— Согласна, — выдыхаю я.

Глава 11. ГЛЕБ: Зерно сомнения

Бросаю взгляд на Аню, когда она наконец решается ответить. Признаться, сомневался, что она действительно согласится. Разве не должна бунтовать? И пытаться сбежать?

Боги, какая же она красивая. Это просто издевательство какое-то. Зачем мне понадобилось наряжать ее в свадебное платье? Себя помучить? Ну, тогда я справился на ура!

А она стоит с невозмутимым видом. Носик свой вздернутый задрала, но вся такая покорная. Покладистая. Зачем она так себя ведет? Еще и в любви опять признается.

Сука!

Усилием воли перевожу взгляд на регистраторшу, которая, несмотря на предупреждения, все же увлеклась сопливыми подробностями относительно брака. Что, если она действительно не по своей воле пошла против меня? А потом... взяла и влюбилась?

Сердце замирает при одном только предположении, что все же любит. Возможно ли?

Нет, Глеб. Тормози. Если бы любила, не смогла бы в глаза смотреть, пока не призналась бы в предательстве. А она... По ходу, игнорирует все мои благие намерения!

До скрежета сжимаю зубы, чувствуя, что мне снова становится хуже. Надо успокоиться. Еще не хватало свалиться на собственной свадьбе.

— Согласны ли вы, Золотов Глеб Витальевич... — мерно начинает регистратор.

— Согласен-согласен! — рывкаю в ответ. — Давайте уже побыстрее закончим этот цирк!

Женщина перед нами передергивает плечами, явно едва удерживаясь от ответной отповеди, но все же кивает. Не зря я кучу бабок за эту внеплановую свадьбу отстегнул.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать...

Хватаю Аню за руку и вывожу из зала торжеств. Слишком сложно разыгрывать жениха и невесту, когда один из нас даже не пытается искать компромисс. Что ж... сама себе яму роет!

У выхода ждет Витек, который тут же бросает на Аню укоризненный взгляд. Пошел к черту! И без тебя тошно! Мало было запретить ему с ней говорить. Надо было еще и запретить смотреть!

Распахиваю перед Аней дверь машины и, обойдя внедорожник, опускаюсь на сиденье рядом. Прикрываю глаза и откидываю голову на спинку. И что прикажете мне теперь делать? Первоначальный план выполнен. Нашел. Женился. Что дальше? Как продержаться несколько месяцев? Хочу ее до дрожи. Так, что аж жилы тянет.

Едва не вздрагиваю, когда моего плеча касается острый подбородок и нежный голос почти шепчет:

— Снова злитесь?

Устало открываю глаза и бросаю взгляд на межсалонную

перегородку, что все еще опущена. Еще не хватало, чтобы потом сплетни пошли, что я слишком много позволяю предавшей меня девице. В моем мире слабости непростительны, и Аня стала хорошим напоминанием об этом.

— Разве я давал разрешение открывать рот? — выдавливаю сухо. Связки будто парализовало.

— Кажется, немного раньше вы были вовсе не против, — лукаво усмехается она.

Шумно сглатываю и нервно дергаю галстук, ослабляя узел. В брюках тут же пробуждается воспоминание о том, насколько я был не против ее открытого ротика. Черт! Да она точно издевается!

— Ты мне голову задурила, — сдавленно говорю я. — Больше не смей... подобного...

Она словно нарочно скользит по розовой губке языком, привлекая мое внимание к своему рту и мешая сконцентрироваться на злости. Ладони горят от желания прикоснуться к нахалке.

— ...повторять, — наконец выдавливаю я охрипшим голосом, который выдает меня с потрохами.

Чувствуя собственное бессилие, откидываюсь на спинку сиденья. Цепкие пальчики тут же ложатся на мою грудь и осторожно сжимают чертов галстук.

— Иначе что, Глеб Виталич? — неторопливо затягивая узел на моей шее, томно шепчет она. Ощущение, что она меня придушить решила. И не руками ведь даже. Скорее сво-

ей близостью. Голосом. — Разведетесь со мной? Накажете? Или просто продолжите рычать?

О, накажу... Еще как накажу. Такой вариант уже кажется мне наиболее подходящим!

Это точно гипноз какой-то. Глубоко вдыхаю, намереваясь развеять это наваждение. Но встретившись с лукавой улыбкой нахалки, проглатываю заготовленные слова.

— Повторится, — уверенно говорит она.

И это решительное заявление отчего-то прокатывается по телу волной облегчения.

— Ты выбиваешься из образа невинной овечки, — тихо говорю я, ощущая физическую потребность к ней прикоснуться. — Откуда столько самоуверенности? Я в состоянии подцепить бабу.

Пожимаю плечами, считая, что в этой схватке я все же выиграл, однако Аня подается ко мне и прижимается затаенной в тесный корсет грудью к моему торсу.

— Но что поделаться с тем, — шепчет она, слегка касаясь губками моего уха, — что вы хотите только меня?

Это мои слова. Я сам дурак — такое ей ляпнул. Как раз в день нападения на клуб. Незадолго до выступления Ани. Прямо так и сказал. Слово в слово. И не соврал. Даже представить не мог рядом с собой другую девушку. Она будто одна-единственная в мире осталась. Кажется, даже несмотря на новые обстоятельства, это не поменялось. Черт!

— И что же ты намерен с этим делать, мой дорогой муж?

— шепчет она, последним словом прошибая меня, словно током. Слегка отстраняется и заглядывает мне в лицо своими бездонными глазами.

Все же не могу сдержаться. Поднимаю руку и осторожно прохожусь костяшками пальцев по румяной щеке. Смущается, значит. Видимо, роль соблазнительницы для нее не так комфортна, как образ невинной девы.

Склоняюсь навстречу и обессиленно утыкаюсь в ее лоб своим, прикрывая глаза. Сейчас выскажу ей все, что о ней думаю. Только сил наберусь.

— Я добьюсь от тебя признания и... уничтожу, — шиплю я, пытаюсь проглотить колотящееся в горле сердце.

Аня качает головой:

— Не-а, — выдыхает она. — Во всем, в чем я хотела признаться, я уже призналась. Теперь твоя очередь, Глеб. Пора остыть и подумать, кто мог тебя предать и ловко свалить это на меня.

Резко отстраняюсь и непонимающе гляжу в спокойное лицо. Невеличка улыбается так нежно, будто понимающе. Вынуждая меня чувствовать себя последним идиотом. Выкрутиться ведь пытается? Знает же, что я поведусь...

Черт бы ее побрал! Да как ей удастся оставаться такой непоколебимой в своей лжи!

Машина как раз останавливается перед домом. Выскакиваю на улицу, не желая больше слушать соблазнительный голос, что действует на меня гипнотически. Однако в голове

будто раскаленным железом отпечатались слова:

«Пора остыть и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.